

Михаил РАШКОВЕЦКИЙ,
директор Музея истории евреев Одессы «Мигдаль-Шорашим»

ЕВРЕИ ОДЕССЫ: ТОЛЬКО ЛИ ПРОШЛОЕ?

Ротшильд

23 апреля состоялось открытие новой экспозиции Музея истории евреев Одессы «Мигдаль-Шорашим» под названием «Евреи Одессы: только ли прошлое?» (при поддержке фонда Ротшильда).

Благодаря Шолом-Алейхему имя Ротшильда для меня с детства было скорее мифологическим, нежели историческим. Как Крез. Или, еще точнее, как Пушкин для булгаковского председателя жилтоварищества: «Богатый, как Ротшильд». «Что я, Ротшильд?»

Был ли Ротшильд на самом деле? И если был, то когда? Для меня в принципе это оказывалось неважным. С Ротшильдом мы непосредственно не пересекались. Даже когда я стал сотрудником музея истории евреев и узнал, что Ротшильд принимал участие в поддержке одесских евреев после погрома 1905 года, это имя оставалось довольно абстрактным. Все конкретизировалось в 2005 году. Оказывается, благотворительный фонд «Ханадив», штаб-квартира которого располагается в Лондоне, это и есть фонд Ротшильда. И именно этот фонд, чуть ли не единственный в Европе, помимо остальных направлений своей деятельности специализируется на поддержке еврейских музеев, коллекций и архивов. Мы написали проект, и Ротшильд его поддержал. (Несколько месяцев назад фонд «Ханадив» официально сменил свое название на «Фонд Ротшильда».)

Проект

Суть проекта — аналитическое сопоставление давней и недавней истории евреев Одессы вплоть до дня сегодняшнего. Не отдельное выставочное помещение, а вся, пусть и относительно небольшая экспозиция нашего музея должна стать своеобразным дискуссионным полем для ответа на вопрос,

сформулированный в названии проекта. И этот вопрос отнюдь не риторический. Многие авторитетные исследователи утверждают, что украинские евреи — это «засыхающая ветвь на древе мирового еврейства» (Л. Финберг).

Но может быть, все-таки Одесса — исключение из общего правила. В конце концов, Одесса всегда была «иной». Такой ее считали в Российской империи, такой она оставалась при советской власти даже в самые «императивные» периоды.

А может быть, эпоха свободы передвижения (физического и виртуального) оказалась для «гения места» более губительной, чем запреты и ограничения?

Конечно, авторы проекта — люди субъективные и заинтересованные. Нам хочется верить, что Одесса по-прежнему город необычный, а евреев Одессы не только тешил их легендарное прошлое, но и ожидает светлое будущее. Тем не менее, эксперимент есть эксперимент.

Впрочем, наша задача не писать монографию, а строить экспозицию. Музей оперирует не текстами, а специально отобранными предметами, особым образом размещенными в специально организованных помещениях.

Мы и в прежней экспозиции не очень строго придерживались принципа хронологической последовательности, а в нынешней и вообще смешали все «одесские эпохи», стелкая их лоб в лоб и провозируя, таким образом, зрителя на сравнения.

Кстати, одним из важных элементов нового пространства мыслилось освещение. Общий полумрак как тайна и вопрошание. При входе зритель «вооружается» точечным источником света и невольно из пассивного приемника информации превращается в действенный экспозиционный фактор. И здесь дело не только в простой метафоре: «больше людей — больше света»...

Но для специального освещения необходимы новые обои, а новые

Экскурсию по музею ведет Михаил Рашковецкий

обои требуют ремонта стен и пола, а стены и пол не могут жить со старыми дверями и окнами, а если менять окна, то и решетки... Короче говоря, ремонт на исходе четвертого года существования музея, ремонт, которого мы так боялись, стал неизбежен.

Ремонт

Адрес музея: улица Нежинская, 66, квартира 10. Это не дворец, а именно квартира, по нынешним временам не очень большая, в старом доме начала прошлого века. Для демонстрации характерной одесской бытовой черты нам нужно было развешивать белье в экспозиции: оно постоянно сохнет

на веревках перед входом в музей... Во дворе кормят кошек, и запах — один из наиболее впечатляющих наших экспонатов. Характерный для доходных домов модерна фонтан (внутренний дворик) экспонирует звуки. Они доносятся из соседских окон, соседи по-прежнему живут в коммуналках, ссорятся и радуются, варят борщ и жарят рыбу. Нет только гудения примусов, но воду сливают регулярно...

Жизнь евреев в Одессе была по преимуществу приватной. Хождение («впускание») в официоз в 1920-е и на последнем рубеже столетий — пока лишь краткие эпизоды истории евреев Одессы. При всей значимости этой истории квартирный масштаб в большей степени соответствует ее характеру, нежели дворцовый. Конечно, квартира не вместительна, но зато она человечна.

У нас было уютно. Мы были домашнему радушны, и посетители у нас не было — были гости (которым обычно в Одессе показывали семейные фотографии с длинными и разветвляющимися семейными историями) и «родственники»: ведь подавляющее большинство предметов нашей коллекции подарены нам одесситами.

Мы боялись ремонта, как невеста времен Бени Крика боялась прыщей на голове. Мы боялись убить евроремонтом эту сохраняющуюся атмосферу домашнего уюта. Мы обращались к различным дизайнерам, но они не понимали нас, а мы их. Кроме того, дизайнер это не фамилия, а профессия, и стоит дорого, а мы далеко не Ротшильды...

Мы оттягивали ремонт до последней возможности, до тех пор, пока из фонда Ротшильда нам крайне вежливо намекнули, что деньги на лампочки и прочие нужды пора бы и истратить. И тогда мы сделали ремонт в крайне сжатые сроки, решая все проблемы на ходу, то есть не так, как это делают в Европе, а так, как это делается в Одессе.

Деньги

Завершив ремонт, мастер задумчиво спросил меня: «А вот почему говорят, что все евреи богатые?»

В одесском Обществе вспомоществования бедным больным евреям «Эзрас Хойлим» существовала красивая оформленная «Золотая книга». В нее вписывали имена жертвователей, одесситов. А на основе изящной графики страниц этой книги издали открытки, доход от продажи которых тоже шел в пользу этого общества. Кстати, о поголовном богатстве евреев, в частности, одесских. Один из экспонатов музея — титульный лист книги Бродовского «Еврейская нищета в Одессе» 1910 года издания. Конечно, есть тонкая ложь, грубая ложь и статистика. Но аргументы Бродовского убеждают: в это «благословенное» время 60% одесских евреев жили ниже уровня бедности.

С другой стороны, в начале прошлого века семь (по другим данным — восемь) из десяти крупных одесских банков принадлежало евреям, и пусть Бендер презрительно отзывался о богачах из «Черноморска», пусть Ротшильдов у нас не было, но имена Бродовского, Рафаловичей, Ашкенази звучали достаточно гордо (я называю лишь тех финансистов, кто так или иначе представлен в экспозиции нашего музея). Неплохо зарабатывали врачи, юристы, литераторы и даже журналисты. В Одессе евреи составляли большинство не только среди портных, но и среди представителей свободных профессий. Я уже не говорю об аптекарях и «зубных техниках».

На самом видном месте у нас представлена маленькая коллекция банкнот: от царских до «незалежных» с промежуточными «одесским разменным билетом» незабываемого 1917-го, гривной 1918-го, чека Внешторгбанка эпохи застоя СССР и расцвета ЧМП и другими денежными знаками.

Так вот, когда в Одессе водились деньги и еврейские организации («до несчастья»), эти еврейские организации финансировались одесскими евреями.

Более того, рядом с купюрами представлено письмо Менахема Усышкина на бланке Одесского палестинского комитета, из которого явствует, что одесские евреи помогают деньгами первопоселенцам Эрец-Исраэль...

«Летний садик» на территории музея

Фрагменты новой экспозиции

Увы, сейчас одесские еврейские организации финансируются, в основном, из-за рубежа, евреями из США и того же Израиля. Не забудем и Великобританию, откуда профинансировали новую экспозицию. В чем дело? В особенностях национального (в данном случае я имею в виду Украину) законодательства о благотворительной деятельности? Или в статистике?

Статистика

Никогда еще еврейская часть населения Одессы не была столь малой, как сейчас. В 1795 году евреи составляли около 10% нарождающегося города, к рубежу 19-20 столетий евреев — более трети. В 1916 году Бабель объясняет специфику и оригинальность характера Одессы тем, что "половину его населения составляют евреи". В начале 1920-х — та же ситуация: в Одессу массово бегут евреи от ужасов 1-й мировой войны, неотделимо перетекающей в гражданскую. В Одессе, как и везде, не сахар, но безопаснее, чем в украинских местечках, и отряды еврейской самообороны — не пустой звук. (Один из таких отрядов, правда, более раннего периода — известного погрома 1905 года, — запечатлен на фотографии и демонстрируется в нашей экспозиции. Это, в основном, студенты университета, причем представители разных национальностей и вероисповедания. Говорят, в 1917-1920 в таких отрядах было больше молдавских налетчиков, хотя и студентов оставалось немало.)

Перед июнем 1941-го в Одессе более 200 тысяч евреев, и это число значительно увеличивается с потоком беженцев, надеющихся на спасение в героически обороняющемся городе.

Холокост

Прошу прощения, был все-таки период, когда в Одессе евреев жило меньше, чем сейчас. С весны 1942 года по весну 1944 Одесса была "юденфрай", то есть "свободна от евреев". Сотни тысяч евреев-одесситов и беженцев были убиты. Этим трагическим страницам истории евреев Одессы посвящено небольшое, но отдельное мемориальное пространство... Однако и здесь рядом с нацистскими листовками размещены современные антисемитские листовки, документы и фотографии 1940-х соседствуют с современными фотографиями, запечатлевшими установку памятников жертвам Катастрофы в одесском регионе...

После войны

После войны уцелевшие на фронтах и в эвакуации евреи возвращаются, приезжают новые... Уже давно нет еврейских организаций, но евреев в Одессе много, гораздо больше, чем 107 тысяч по официальным данным на 1959 год. После 6-дневной войны все они испытывали чувство гордости и радости. В основном, "на кухне". Но некоторые высказывались открыто. Такие, например, как Давид Найдис, в приговоре которому фигурирует обвинение в клевете "на советскую действительность в национальном вопросе". Рядом с этим приговором — материалы, связанные с темой погрома 1905 года... В этом же зале экспозиционный монитор демонстрирует недавние свастик на еврейских могилах...

А на современном пасхальном

кресле-троне, с подушкой на левом подлокотнике, лежат два раскрытых телефонных справочника. Один 1977 года, открытый на развороте Коганов. Более 150 потмов священнослужителей имели в Одессе дефицитные тогда телефонные номера. Можно открыть и Рабиновичей или Штернов.

Рядом — "Золотые страницы Одессы" за 1998 год. Остались единицы.

Когда-то статистика хоть и вралла, но знала все, кроме количества стульев. Сейчас ее просто нет. Очень приблизительно можно говорить о том, что евреи составляют 5% населения города. Но можно и не говорить...

С другой стороны, фотографии со свастиками на надгробиях сменяются любительским фильмом о современной еврейской свадьбе, где все как положено, с раввином и хупой.

И оптимистичная нота не только в наличии материалов о "еврейском возрождении" постперестроечного периода, о ранних этапах истории центра "Мигдаль" и более позднем — центра "Мория", об Объединенной еврейской общине с "Информационным листком № 1" за 1993 год и о "разведенных" еврейских организациях последующих лет...

Главный оптимизм в том, что одна из первых групп, посетивших новую экспозицию, — это группа родителей и студентов центра "Мигдаль", чей продуктивный возраст подтверждался наличием грудничков на руках некоторых экскурсантов...

Пресса

Вернемся, например, к журналистам. Когда-то в Одессе было много еврейских периодических изданий. Они выходили и на русском, и на иврите, и на идише. Да и ряд нееврейских общегородских газет делали преимущественно евреи. С "Одесским вестником" начала прошлого века можно смело демонстрировать и довоенное "Большевистское знамя", в немалой степени — послевоенные "Знамя коммунизма" и другие издания. Карп Полубаков и почти весь экипаж "Антилопы Гну" из "Вечерней Одессы" это целые эпохи в одесской журналистике. Да и сейчас, на открытии, в качестве живых "экспонатов" под экспонатами, которые они нам подарили, похаживали такие патриархи одесских "ротационных машин", как Е. Голубовский, Ф. Кохрихт, А. Розенбойм.

А рядом с номерами "органа русских евреев" газетой "Рассвет" конца 1860-х — начала 70-х можно разместить не только газету евреев Молдовы и Одессы "Наш голос" за 1991 год, но и "Рассвет" О. Рабиновича с "Сионом" С. Пинскера (если достанем) и нынешние "Шомрей Шабос" с "Тиквой" — "Ор Самеах" (по истечении срока давности).

Два музея

Среди компонентов новой экспозиции есть два особо значимых. Это информация о Всеукраинском музее еврейской культуры имени Менделе Мойхер-Сфорима, который был открыт к 10-летию "Великого Октября", закрыт в 1936 году, по загадочным причинам вновь открыт в 1940-м, и который почти бесследно исчез в 1941 году... Нарочито бесцветные копии немногочисленных архивных материалов, публикаций 1920-х — начала 1930-х в одесских газетах и журнале "Шквал", ретроспективные публикации-исследований недавних лет.

Отдельный небольшой зал посвящен 1920-м — 30-м, когда запретили сионизм, иврит, а вместо синагог открывали еврейские клубы для рабочих. Но идиш — язык бедноты, поэтому мы можем представить и свидетельство об окончании еврейской школы 1928 года на двух языках — украинском и идиш (таких школ в Одессе было около трети), и фотографии выпусков евсектора Одесского педина, и комплект материалов, связанных с деятельностью "Одесского державного еврейского театру", и даже эскиз к картине Рашковой "В еврейском колхозе"... Все это безвозвратно погибло, причем не столько по причине ужасов войны, сколько по вине послевоенного государственного антисемитизма...

Но музей, пусть совсем иной, негосударственный, с несравнимой и качественно, и количественно коллекцией, все-таки появился. Поэтому мы сопоставляем трудно

сопоставимое и рядом с материалами о первом одесском еврейском музее представляем совсем короткую историю нынешнего. Осенью этого года мы, надеюсь, отметим его пятилетие во время проведения ежегодной, шестой, международной научной конференции "Одесса и еврейская цивилизация".

Личности и семьи

То, что мы имеем право на столь претенциозное название, доказывает галерея фотопортретов, выполненных в Одессе в начале прошлого века. Здесь и С. Дубнов, и Х. Бялик, Ш. Черниковский и Ахад га-Ам, М. Мойхер-Сфорим и Шолом-Алейхем, В. Жаботинский и И. Равницкий, и многие другие...

А коллекция материалов о П. Столярском и его школе? Документы об Утесове?

Я уже не говорю о буфете, принадлежавшем семье И. Бабеля.

Но быть может, еще более дороги нам экспонаты, представляющие "обычные" семьи, те семьи, которые создавали не "еврейскую улицу", а саму Одессу. Вы понимаете, что речь идет не только об архитекторах, хотя объемное собрание материалов о семье Минкусов-Нудельман дает повод говорить и об архитекторах тоже. Мы говорим о неповторимой "интонации" мировидения и способа мышления, которое придавало неповторимый колорит Одессе... К примеру, отдельный музей можно создать на основе документов, предметов и фотографий, представляющих семью Леонида Дусмана. Причем хронологически эти материалы представляют период с конца 19 века по начало нынешнего. И они представляют не только дедушку и бабушку Леонида Моисеевича, не только его самого, его жену, ее родителей, но и их детей и внуков. Здесь и сейчас.

Наука и жизнь

Относительно недавно Лем предсказал крах человеческой цивилизации, так как цивилизация может развиваться только в русле линейного научного познания, а жизнь сама по себе — нелинейна.

Строгая хронология событий, подталкивающая к линейной логике причинно-следственных связей зачастую неадекватна происходящему. В том, что действительность не руководствуется логикой, мы убеждаемся чуть ли не ежедневно. Повороты истории неожиданны и парадоксальны, это не линия и даже не спираль. В музее мы должны совместить, казалось бы, несовместимое: науку и жизнь. Наша новая постоянная экспозиция принципиально эклектична и непостоянна, сейчас она изменяется ежедневно. Приглашаем и вас в это пространство вызова и вопроса "Евреи Одессы: только ли прошлое?". Вам отвечать.

Фото Евгения Волокина.

Фрагмент новой экспозиции